005017464

На правах рукописи

Пустошинская Ольга Сергеевна

СТУДЕНЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук

10 МАЙ 2012

Пермь 2012

Диссертация выполнена в Институте философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург
Киселев Константин Викторович

Официальные оппоненты: доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой прав человека Юридического факультета НОУ ВПО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург
Глушкова Светлана Игоревна

кандидат политических наук, доцент кафедры Историко-политологического факультета ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь
Беляева Наталья Михайловна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа-Югры», г. Сургут

Защита состоится 22 мая 2012 года в 13-00 часов на заседании диссертационного совета К 212.189.04 по политическим наукам при Пермском государственном национальном исследовательском универ-ситете по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, корпус 1, Зал заседаний ученого совета ПГНИУ.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Пермского государственного национального исследовательского университета.

Автореферат разослан 20 апреля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат политических наук, доцент *И. В. Борисова*

I. Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Несмотря на то, что в мировой политической науке сформирована обширная теоретико-методологическая база по теме студенческого политического протеста, в силу динамичности общественных процессов, эволюции сознания, а также модификации форм выражения и реализации интересов студенческой молодежи в политике, актуализируется задача исследовательской рефлексии по обновлению знания. Существует потребность в восполнении пробелов, связанных с осмыслением проблематики в контексте эффектов глобализации и интернетизации, роста социально-экономических и геополитических рисков, с учетом логики использования интеллектуального ресурса социальных сетей для протестной самоорганизации.

В современной России разработки по заявленной проблематике приобретают особое значение. В условиях усиления внешнеполитических угроз, перманентного общественного реформирования, последствий экономического кризиса, трансформации духовно-ценностных и идентификационных конструктов увеличивается число источников депривации, влекущей интенсификацию напряженности в социальной структуре. Студенческая молодежь в силу уязвимости, обусловленной зависимостью от взрослого мира, в наибольшей степени подвержена фрустрирующему давлению. Это вызывает критическое отношение ее представителей к властным институтам, мотивирует к участию в протестных выступлениях, определяет ориентацию на политические силы оппозиционной и экстремистской модальности. Последние заинтересованы в распространении в студенческой среде идей контрлегитимности и националистической апологетики.

В этой связи исследовательская диагностика, основанная на эмпирическом материале, приобретает особую практическую ценность, поскольку призвана служить теоретической базой для выработки демпферных мер, снижающих конфликтогенные тенденции, придания более гибкого и сбалансированного характера молодежной политике, а также проведения превентивных действий, нивелирующих деструктивные проявления.

Значимость вопросов эффективного управления молодежной ситуацией, утверждения стабильных социальных отношений в Уральском федеральном округе (далее – УрФО), индустриальный и нефтегазодобывающий комплекс которого является одним из стратегически важных в стране, требует концентрации исследовательских усилий на региональных случаях. При этом основные характеристики студенческого протеста в УрФО с определенной долей условности можно рассматривать как универсальные. Аргументацией служит тот факт, что по ключевым социально-экономическим показателям и регистрируемой в период 2009-2011 гг. динамике потенциала протеста округ приближается к общероссийскому уровню. Политико-правовые инновации и кадровые перестановки в аппарате управления, пересмотр стратегии и тактики политическими контрагентами, изменение конфигурации в структуре регионального молодежного фрондирующего спектра вписываются в общенациональный процесс диспозиционной мобилизации конкурирующих политических сил.

Степень научной разработанности темы. Основную теоретическую базу по студенческому политическому протесту, подкрепленную экспериментальным материалом, образуют труды западноевропейских и американских исследователей.

Данной проблематике отводится место в ряду приоритетных объектов научных исследований в 1960-1970-е гг. вследствие череды студенческих бунтов. В связи с новой реальностью актуализируется вопрос неопределенности понятийного аппарата описания и методологических оснований ее анализа.

Историография обозначенного периода не отличается аналитичностью стиля, однако содержит важный фактологический материал. В работах дается хронология событий, называются участники, приводятся результаты и последствия студенческих выступлений (Т. Блэкстоун, Т. Гейлс, А. Филдс и др.)[1].

Философская рефлексия в отношении феномена имманентна логике столкновения мировоззренческих ориентаций, в основе которых лежит отрицание/признание идеи общественного прогресса, культурно-исторической обусловленности явлений действительности. Разрабатывая тему социального освобождения от диктата одномерности, Г. Маркузе в студенческом движении видит силу, разрушающую губительную для личности культуру потребительского общества и катализирующую революционные процессы[2].

В русле логики философии образования Ф. Альтбах, С. Маркс и А. Хэлси пытаются выявить причинно-следственные зависимости между неравнозначными предикторами студенческого внесистемного активизма, обнаруживающимися как на локальном уровне университета и кампуса, так и в масштабе государства и имеющими экономический, политический и культурный характер[3]. В рамках теории идеологии Р. Петерсон сосредотачивается на изучении влияния леворадикальных парадигм на коррекцию представлений студентов о типе политической организации, соответствующей адекватным условиям жизнеустройства[4]. Совокупность принципов философии насилия позволяет М. Бацианини, Р. Глаттербаку и Л. Феници поднимать проблему оправдания революционного насилия, канализирования агрессии в конспиративное русло террористических проявлений в ответ на неразрешаемость социальной напряженности и конфликтности при чрезмерных режимных санкциях подавления политического неконвенциального выражения[5].

Эвристическая ценность социологических исследований 60-70-х гг. XX в. определяется их эмпирическим потенциалом. Персонифицированные восприятия, аттитюды, свидетельства акторов, включенных в поле политической конфронтации, служат основанием для дискурсивного анализа.

Сторонники теории социальных отношений рассматривают студенческие бунты с точки зрения перевоспроизводства конфигурации поколенческих связей, амбивалент-

---

[1] *Blackstone T., Gales T., etc.* Students in conflict L.S.E. in 1967. London: "Weidenfeld and Nicolson", 1975. 320 p.; *Fields A.* The Revolution Betrayed: The French Student Revolt of May-June 1968. Students in Revolt. Boston: "Beacon press", 1967. P. 127-165.

[2] *Marcuse H.* An Essay on Liberation. Boston: "Beacon press", 1969. 102 p.

[3] *Altbach P.* Student Politics and Education in India. Students in Revolt. Boston: "Beacon press", 1967. P. 235-255; *Halsey A., Marks S.* British Student Politics. Students in Revolt. Boston: "Beacon press", 1967. P. 35-55.

[4] *Peterson R.* The Student Left in American Higher Education. Students in Revolt. Boston: "Beacon press", 1967. P. 204-210.

[5] *Baccianini M., Fenizi L.* From Student Protest to Terrorizm: Italy 1968-1977. Students in Revolt. Boston: "Beacon press", 1967. P. 303-308; *Glutterbuck R.* Protest and the Urban Guerrilla. London: "Camelot Press", 1973. 277 p.

ности статуса и предрасположенности молодой генерации к экстремальным формам поведения, что находит воплощение в инакомыслии и нетрадиционном политическом действии (Р. Краут, С. Льюис, Р. Флэкс и др.)[6]. Концепция социальной структуры задает вектор на раскрытие особенностей предписанной роли студенчества в обществе, обусловленности выбора, обеспеченного множественным структурным давлением (К. Аллербек, Л. Баирд и др.)[7]. Сквозь призму теории социальных изменений эксплицируется разрыв между процессом усвоения стандартных знаковых систем и установками на поиск новаций (А. Кавалли, А. Мартинелли, Е. Шиллз и др.)[8].

Научная полемика разворачивается вокруг вопросов о производности радикальной студенческой активности от социализирующего действия университета, перемещении внутривузовского конфликта в общенациональную плоскость политических практик (Дж. Гасфилд, Дж. Дэвис, М. Сасайама и др.)[9]. Особо выделяются работы, в которых детально исследуется организационное ядро протестного студенческого движения[10]. Популярными моделями объяснения антисистемной студенческой мобилизации становятся концепции относительной депривации и коллективного поведения. Политический протест интерпретируется в терминах функции от воздействия фрустрирующего комплекса, коллективной идентичности, иррациональности (Н. Йаирэм, Л. Рейнуотер, Е. Шобен и др.)[11].

В политической науке указанный феномен также исследуется по нескольким направлениям. Так, бихевиоралисты изучают его как субъектно-мотивированный процесс, реакцию на сложившуюся систему общественно-политических отношений (Б. Баум, С. Липсет и др.)[12]. Под углом зрения нормативно-ценностной концепции разрабатывается проблематика распространения в студенческой среде «новой левой» и фашистской идеологий (Г. Гарсон, С. Хофстеттер и др.)[13].

---

[6] *Flacks R.* Who Protests: The Social Bases of the Student Movement. Protest! Student Activism in America. New York: "William Morrow & Company", 1970. P. 134-157; *Kraut R., Lewis S.* Alternate Models of Family Influence on Student Political Ideology // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. Vol. 31. № 5. P. 791-800.

[7] *Allerbek K.* Some Structural Conditions for Youth and Student Movements // International Social Science Journal. 1972. Vol. 24. № 2. P. 257-270; *Baird L.* Who Protests: A Study of Student Activists. Protest! Student Activism in America. New York: "William Morrow & Company", 1970. P. 123-133.

[8] *Cavalli A., Martinelli A.* Towards a conceptual framework for the comparative analysis of student movements // International Social Science Journal. 1972. Vol. 24. № 2. P. 301-312; *Shills E.* Dreams of Plenitude, Nightmares of Scarcity. Students in Revolt. Boston: "Beacon press", 1967. P. 1-29.

[9] *Davis J., Sasajima M.* Student Protest and Institutional Climate // American Educational Research Journal. 1968. Vol. 5. №. 3. P. 291-304; *Gusfield J.* Student Protest and University response // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1971. Vol. 395. № 1. P. 26-38.

[10] *Allardt E., Tomasson R.* Scandinavian Students and the Politics of Organized Radicalism. Students in revolt. Boston: "Beacon press", 1967. P. 96-126; *Hochschild A., Moore C.* Student Unions in North African Politics. Students in Revolt. Boston: "Beacon press", 1967. P. 351-379.

[11] *Jayram N.* Sadhus no Longer Recent Trends in Indian Student Activism // Higher Education. 1979. Vol. 8. № 6. P. 683-699; *Rainwater L.* Open Letter on White Justice and the Riots. Protest, Reform and Revolt. A Reader in Social Movements. New York: "John Wiley & Sons, Incorporated", 1970. P. 214-225; *Shoben E.* The Climate of Protest. Protest! Student Activism in America. New York: "William Morrow & Company", 1970. P. 554-581.

[12] *Baum B.* Student Perceptions of University Power Structures // The Journal of Educational Research. 1973. Vol. 66. № 5. P. 195-198; *Lipset S.* American Student Activism. California: "RAND Corparation", 1968. 44 p.

[13] *Burgess P.* The Student Movement: Ideology and Reality // Midwest Journal of Political Science. 1971. Vol. 15. № 4. P. 687-702; *Garson G.* The Ideology of the New Student Left. Radical Student Organizations. Protest! Student Activism in America. New York: "William Morrow & Company", 1970. P. 184-201.

В рамках институционального подхода исследуются студенческие организации, их суггестивные, мобилизующие функции, посредничество между официальными институтами и студенческим сообществом[14]. Критическая оценка точек зрения на предмет утверждения ключевой роли высшей школы в радикализации поведения обучающихся дается К. Кеннистоном, М. Лернером, Е. Слотером и др[15].

Структурно-функциональный анализ предпринимается Дж. Израэлем, Ф. Пиннером, Дж. Сильверстейном. Авторы обращают внимание на приобретение студенчеством политической субъектности в условиях социетальных и политико-институциональных перемен, нарушения равновесия в стратификационной системе[16]. Неомарксисты, в свою очередь, концентрируются на состоянии властных отношений в представительных демократиях. В качестве основной причины бунтов ими признается дивергенция между декларируемым равенством возможностей и отчуждением молодежи от центров принятия решений, инертность политических институтов, оказавшихся неспособными адаптироваться к требованиям класса молодых интеллектуалов (М. Мэнкоф, Р. Флэкс, С. Фридман и др.)[17].

Для 1980-1990-х гг. характерно перемещение интеллектуального интереса на студенческие выступления в Германии, Китае, Японии, странах Латинской Америки, Восточной Европы. В то же время, ряд исследователей продолжает развивать тему студенческих волнений прошедших лет.

Историками дается оценка произошедшим событиям, проводится параллель со студенческим активизмом 30-40-х гг. XX в[18]. Осуществляется пересмотр прежних позиций путем обращения к опыту эпох, образующему предпосылочный контекст познания аналогичных процессов. Например, К. Тенфильд ставит под сомнение точку зрения о решающем влиянии демографического фактора на развитие студенческого движения[19]. Дж. Пирсон опровергает мнение о радикальном отклонении поведения поколения шестидесятых от протестных традиций прошлого[20].

---

[14] *Pinner F.* Western European Student Movements. Students in Revolt. Boston: "Beacon press", 1967. P. 60-91.

[15] *Blau P., Slaughter E.* Institutional Conditions and Student Demonstrations // Social Problems. 1971. Vol. 18. №. 4. P. 475-487; *Keniston K., Lerner M.* Youth and Disset. The Rise of a New Opposition. New York: "HBJ, Inc.". 403 p.

[16] *Israel J.* Reflections on the Modern Chinese Student Movement. Students in revolt. Boston: "Beacon press", 1967. P. 310-334; *Pinner F.* Students – a Marginal Elite in Politics // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1971. Vol. 395. Students Protest. P. 127-138; *Silverstein J.* Burmese Student Politics in a Changing Society. Students in revolt. Boston: "Beacon press", 1967. P. 334-347.

[17] *Flacks R., Mankoff M.* The Changing Social Base of the American Student Movement // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1971. Vol. 395. № 6. P. 54-67; *Friedman S.* Perspectives on the American Student Movement // Social Problems. 1973. Vol. 20. № 3. P. 283-299.

[18] *Cohen R.* When the Old Left Was Young: Student Radicals and America's First Mass Student Movement, 1929-1941. Oxford: "Oxford University Press", 1997. 456 p.; *Eric W.* Rise Red Menaces and Drinking Buddies: Student Activism at the University of Florida // The Historian. 1986. Vol. 48. № 4. P. 559–571; *Monchablon A.* Die Studentenbewegung und die Jugend in Frankreich, 1945-1970. Jugendprotest und Generationenkonflikt in Europa im 20. Jahrhundert. Düsseldorf: "Verlag Neue Gessellshaft GmbH", 1986. S. 349-350; *Rovere L.* Fascist Groups in Italian Universities: An Organization at the Service of the Totalitarian State // Journal of Contemporary History. 1999. Vol. 34. № 3. P. 457-475.

[19] *Tenfelde K.* Demografische Aspekte des Generationenkonflikts seit dem Ende des 19. Jahrhunderts: Deutchland, England, Frankreich. Jugendprotest und Generationenkonflikt in Europa im 20. Jahrhundert. Düsseldorf: "Verlag Neue Gessellshaft GmbH", 1986. S. 15-29.

[20] *Pearson G.* Novita Perpetua: storia di conflitti generazionali in Gran. Jugendprotest und Generationenkonflikt in Europa im 20. Jahrhundert. Düsseldorf: "Verlag Neue Gessellshaft GmbH", 1986. S. 440-443.

В философии рассматриваемая область политической реальности исследуется в широком кросс-темпоральном и кросс-региональном контекстах планетарных общественных трансформаций. В целях проверки теоретически выдвигаемых доказательств каузальных связей практикуется обращение к прикладной философии (Ф. Альтбах, Н. Дейк, Р. Роадс и др.)[21].

Благодаря развитию социологии социальных движений появляются парадигмы, дающие эффективный методологический инструментарий для углубленного изучения природы студенческого движения.

В соответствии с алгоритмом теории мобилизации ресурсов акценты смещаются на анализ экономических и организационных источников реализации рационального коллективного действия, в качестве которого маркируется студенческое протестное движение[22]. Результаты научных проектов, осуществляемых согласно концепции структуры политических возможностей, служат заполнению интеллектуального вакуума, связанного с раскрытием детерминирующего действия нивелирующих и разрешающих факторов политического процесса[23]. Отталкиваясь от положений теории новых социальных движений, сущность студенческого протеста постигается через осмысление таких доминант как новая идентичность, посматериалистические ценности, формы прямой демократии, горизонтальные связи взаимодействия, цикличность, глобальный характер участников[24].

С середины 1990-х гг. появляются работы, в которых содержится критика обозначенных концептуальных схем с точки зрения валидности их применения к незападному национальному контексту. Выход видится в синтезе теорий[25]. Другими авторами предлагаются альтернативные подходы. Интерес представляет позиция Н. Пичардо и С. Соуль, выдвигающих гипотезу о диффузной динамике радикальной политизации студенчества на основе сетевой структуры университетской жизни[26].

---

[21] *Altbach P.* American Student Activism. The Post-Sixties Transformation // The Journal of Higher Education. 1990. Vol. 61. № 1. P. 32-49; *Dyke N.* Hotbeds of Activism: Locations of Student Protest // Social Problems. 1998. Vol. 45. № 2. P. 205-220; *Rhoads R.* Student Protest and Multicultural Reform: Making Sense of Campus Unrest in the 1990s // The Journal of Higher Education. 1998. Vol. 69. № 6. P. 621-646.

[22] *Benford R., Zuo J.* Mobilization Processes and the 1989 Chinece Democracy Movement // The Sociological Quarterly. 1995. Vol. 36. № 1. P. 131-156; *Vellela T.* New Voices: Student Political Activism in the '80s and '90s. Boston: "South End Press", 1999. 279 p.

[23] *Domansky E.* Politische Dimensionen von Jugendprotest und Generationkonflikt in der Zwischenkriegszeit in Deutchland. Jugendprotest und Generationenkonflikt in Europa im 20. Jahrhundert. Düsseldorf: "Verlag Neue Gessellshaft GmbH", 1986. S. 329-331; *Kovalevski D.* Student and non-student Protest in Japan and the USSR // The Journal of Higher Education. 1982. Vol. 11. № 1. P. 51-65; *Levy D.* The Decline of Latin American Student Activism // The Journal of Higher Education. 1991. Vol. 22. № 2. P. 145-155.

[24] *Illardi M.* Konflikte und Sozialbewegungen in den 70er Jahren: der fall Italien. Jugendprotest und Generationenkonflikt in Europa im 20. Jahrhundert. Düsseldorf: "Verlag Neue Gessellshaft GmbH", 1986. S. 309-317; *Nicolich M.* 1968: Student Protest in Yugoslavia // New Politics. 1989. Vol. 2. № 3. P. 31-39; *Polleta F.* Politicizing Childhood: The 1980 Zurich Burns Movement // Social Text. 1992. Vol. 2. № 33. P. 82-102.

[25] *Guthrie D.* Political Theater and Student Organizations in the 1989 Chinece Movement: A Multivariate Analysis of Tiananment // Sociological Forum. 1995. Vol. 10. № 3. P. 419-459.

[26] *Pichardo N.* New Movements: a Critical Review // Annual Reviews Sociology. 1997. Vol. 6. № 23. P. 411-430; *Soule S.* The Student Divestment Movement in the United States and Tactical Diffusion: The Shantytown Protest // Social Forces. 1997. Vol. 75. №. 3. P. 855-882.

Что касается политологического дискурса, то его ведущими категориями попрежнему остаются политическое сознание и политическая культура студенчества. Адептами поведенческого подхода протест рассматривается в качестве артефакта неэффективной молодежной политики и социоадаптационных механизмов в условиях растущей проблематичности техногенной современности и энтропийных культурных тенденций (М. Вайнбергер, А. Казамиас, Г. Псахаропоулз и др.)[27].

Деятельностное направление связанно с рассмотрением студенческих движений в качестве агентов, активность которых вызывает или косвенно влечет за собой социально-политические изменения[28].

В контексте культурологической парадигмы А. Ли и Ф. Тетард разрабатывают вопросы обретения студенчеством статуса в политической системе, влияния политических ценностей и фактора идентичности на протестную мобилизацию[29].

Проблему делегитимации политической власти, недоверия студентов к ее лидерам и институтам поднимают Дж. Куритон и А. Левин[30].

Характерным трендом 2000-х гг. является доминирующая ориентация на междисциплинарность и полипарадигмальность исследований отдельных аспектов студенческого протеста. Их результаты становятся продуктом интеллектуальных усилий представителей различных направлений гуманитарного знания (Т. Йама, Х. Като, Р. Корсвик, К. Кристоферсен, К. Сакаи, Е. Форланд и др.)[31].

Предметом интенсивных дебатов остаются бунты 1960-1970-х гг. По многим вопросам данных событий по-прежнему не достигнуто консенсуса. Не оставлено без внимания студенческое движение в 1980-1990-е гг. и 2000-2011-х гг.

В рамках истории с позиции современности Б. Андерсоном, Т. Краусом и В. Франклином осуществляется переосмысление роли студенческого движения в политической жизни государств[32], Б. Слонекером и Н. Цайхером оценивается масштаб и сила его воздействия на протестную консолидацию общества[33], М. Климке и М. Плаут ана-

---

[27] *Kazamias A., Psacharopoulos G.* Student Activism in Greece: A Historical and Empirical Analysis // Higher Education. 1980. Vol. 9. №. 2. P. 127-138; *Weinberger M.-L.* Jugendprotest 1981. Jugendprotest und Generationenkonflikt in Europa im 20. Jahrhundert. Düsseldorf: "Verlag Neue Gessellshaft GmbH", 1986. S. 233-240.

[28] *Mehrdad A.* Iran after the student protests. The political fallout of the July events [Electronic resource]. URL: http://www.iran-bulletin.org/political_commentary/fallout.html (дата обращения: 25.07.2009); *Wright T.* State Repression and Student Protest in Contemporary China // The China Quarterly. 1999. Vol. 3. № 157. P. 142-172.

[29] *Lee A.-R.* Exploration of the Sourses of Student Activism: The Case of South Korea // International Journal of Public Opinion Research. 1997. Vol. 9. № 1. P. 48-65; *Tetard F.* Jugend: Subjekt oder Objekt der Politik? Die politische Dimension der Jugend in Frankreich. Jugendprotest und Generationenkonflikt in Europa im 20. Jahrhundert. Düsseldorf: "Verlag Neue Gessellshaft GmbH", 1986. S. 336-338.

[30] *Cureton J., Levine A.* Student Politics // The Review of Higher Education. 1998. Vol. 21. № 2. P. 137-150.

[31] *Christophersen K., Forland E., Korsvik R.* Protest and Parents. A Retrospective Survey of Sixties Student Radicals in Norway // Acta Siciologica. 2010. Vol. 53. № 3. P. 229-245; *Kato H., Sakai K., Uyama T.* Social Protests and National-Building in the Middle East and Central Asia. Japan: "Jetro", 2003. 216 p.

[32] *Краус Т.* 1968 – многообразие исторического наследия. Восточноевропейский случай [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.ru/library/id_2357.html (дата обращения: 03.05.2009); *Anderson B.* September 1970 and the Palestian Issue: A Case Study of Student Politization at the American University of Beirut // Civil Wars. 2008. Vol. 10. № 3. P. 261-280; *Franklin V.* Introdaction: African American Student Activism in the 20th Century // The Journal of African American History. 2003. Vol. 88. № 2. P. 105-109.

[33] *Slonecker B.* The Columbia Coalition: African Americans, New Leftists, and Counterculture at the Columbia University Protest of 1968 // Journal of Social History. 2008. Vol. 41. № 4. P. 967-996; *Zeicher N.* Student Activism and Grassroots Organizing in Great Sao Paolo during the Abertura Period of the Brazillian Military Dictatorship // Brown Journal of History. 2007. Vol. 6. № 1. P. 215-227.

лизируются тенденции студенческой международной коммуникации, ставшей объектом внешней политики ключевых агентов мирового процесса[34]. В силу актуализации проблемы распространения неонацистских идей в молодежной среде Д. Рентоном и С. Хайльвигом осуществляется анализ данных процессов с опорой на предшествующий опыт эволюции идеологических циклов[35].

Философское направление связано с включением темы студенческого нонконформизма в область осмысления сложных аспектов и антиномий кризисной реальности информационного общества.

А. Бэркэном и Н. Дейк проводится метаанализ формирования коалиций, участники которых солидаризируются на почве неприязни к иной социальной среде и ненависти к чуждой идентичности[36]. Г. Гайрекс пытается обнаружить источники деполитизации и деинтенсификации студенческого протеста в США при параллельной его эскалации и массовизации на Ближнем Востоке и в Европе[37].

В социологии большое влияние приобретает сетевой подход. Значительный пласт литературы посвящен роли социальных сетей и электронных каналов коммуникации в развитии студенческого протестного движения (И. Ибрагим, Н. Кроссли и др.)[38]. Отдельный предмет социологического анализа – корректность использования теорий коллективного действия к изучению студенческих волнений в странах, где активность находится в стадии освоения культуры протестного участия (Дж. Алеман, Л. Зейлиг, М. Машайеки и др.)[39].

В политологических исследованиях студенческого протеста примат отдается возможностям компаративистики и мультидисциплинарной концептуализации.

Так, выходящий за пределы бихевиоральной парадигмы многомерный анализ студенческой антисистемной мобилизации предпринимается Дж. Клоупп и Дж. Оринэ. Авторы устанавливают отношения каузальности между процессами конфронта-

---

[34] *Klimke M.* The Other Alliance: Student Protest in West Germany and the United States in the Global Sixties. Princeton: "Princeton University Press", 2011. 368 p.; *Plaut M.* South African Student Protest, 1968: Remembering the Mafej sit-in // History Workshop Journal. 2010. Vol. 69. № 6. P. 199-205.

[35] *Hilwig S.* 'Are you calling me a fascist?' A Contribution to the Oral History of the 1968 Italian Student Rebellion // Journal of Contemporary History. 2001. Vol. 36. № 1. P. 581-597; *Renton D.* Fascism and Reactions to Fascism in Britain. West Yorkshire: "Microfonn Academic Publishers", 2002. 23 p.

[36] *Barcan A.* Student Activists at Sydney Univercity 1960-67: A Problem of Interpretation // Australian and New Zeland History of Education Society. 2007. Vol. 36. 1. P. 313-324; *Dyke N.* Crossing Movement Boundaries: Factors that Facilitate Coalition Protest by American College Students, 1930-90 // Social Problems. 2003. Vol. 50. № 2. P. 226-250.

[37] *Giroux H.* Fighting for the Future: American Youth and the Global Struggle for Democracy // Cultural Studies-Critical Methodologies. 2011. Vol. 11. № 4. P. 93-112.

[38] *Biddigs P., Park H.* Online Networks of Student Protest: The Case of the Living Wage Campaign // New Media & Society. 2008. Vol. 10. №. 6. P. 871-891; *Crossley N.* Social Networks and Student Activism: On the Politicising Effect of Campus Connections // Sociological Review. 2008. Vol. 56. № 1. P. 18-38; *Ibrahim Y.* Between Revolution and Defeat: Student Protest and Networks // Sociology Compass. 2010. Vol. 4. № 7. P. 495-504.

[39] *Aleman J.* Protest and Democratic Consolidation: A Korean Perspective [Electronic resource]. URL: http://faculty.fordham.edu/aleman/KoreanStudies.pdf (дата обращения: 11.02.2011); *Mashayekhi M.* The Revival of the Student Movement in Post-Revolutionary Iran // International Journal of Politics Cultura and Society. 2001. Vol. 15. № 2. P. 283-313; *Zeilig L.* Student Politics and Activism in Zimbabwe The Frustrated Transition // Journal of Asian and African Studies. 2008. Vol. 43. № 2. P. 215-237.

ции в высшей школе и противоборством политических сил, разворачивающимся вокруг вопросов о власти и демократизации общества[40].

Агрегируя принципы культурного анализа и социологии действия, Э. Боггс решает задачу сравнения траектории циклов студенческих движений в Индии, США, Аргентине и на этом основании проводит их типологизацию[41].

Благодаря плюралистичности подхода, включающего деятельностное направление, теории мобилизации ресурсов и структуры политических возможностей, Дж. Дьюгэс удается представить развернутую характеристику студенческого движения в Колумбии в 1980-1990-х гг., установить факторы мобилизации, репертуар коллективных действий, организационные формы, жизненный цикл, влияние на подготовку проекта конституции страны[42].

М. Дженнингс выстраивает доказательную базу поколенческой преемственности контрагентности, исходя из теории социальных расколов. Объяснение связывается с формированием и передачей на уровне первичной социализации устойчивых во времени комплексов политических ориентаций, мотивирующих к протестной солидарности. В качестве критического события, вызвавшего социальную дифференциацию, рассматривается участие в акциях протеста самой первой из поколенческих когорт[43].

В отечественной политологии исследования студенческого политического протеста не имеют статуса самостоятельного направления. Ряд крупных работ выполнены в рамках истории и философии науки, социологии, а также жанре публицистики.

Первые упоминания о студенческом революционном движении, освещение его в историографии и публицистике относятся ко второй половине XIX–начала XX вв. Авторами материалов и критических статей становятся участники событий, современники, идеологи революционной борьбы, деятели политического сыска Министерства внутренних дел Российской Империи. В центре внимания – студенческие волнения 1861 г., 1874 г., 1881-1882 гг., 1889 г., 1899-1902 гг. (В. Ленин, В. Оболенский, Л. Толстой и др.)[44].

В советский период предметом научного внимания становится участие студентов в тайных политических организациях и революционных событиях 1905 г. и 1917 г. (П. Гусятников, М. Матвеев, К. Шохор-Троцкий и др.)[45]. Начиная с 60-х гг. XX в. активизируются исследования по проблемам студенческих бунтов на Западе. Они

---

[40] *Klopp J., Orina J.* University Crisis, Student Activism and the Contemporary Struggle for Democracy in Kenya // African Studies Review. 2002. Vol. 45. № 1. P. 43-76.

[41] *Boggs A.* A Matrix for the Comparative Study of Student Movements: Twentieth Century Latin American, U.S. and Indian Student Movements // Higher Education Perspectives. 2006. Vol 2. № 2. P. 39-49.

[42] *Dugas J.* The Origin, Impact and Demise of the 1989-1990 Colombian Student Movement: Insights from Social Movement Theory // Journal of Latin American Studies. 2001. Vol. 33. № 4. P. 807-837.

[43] *Jennings M.* Generation Units and the Student Protest Movement in the United States: An Intra- and Intergenerational Analysis // Political Psychology. 2002. Vol. 23. 2. P. 303-324.

[44] *Ленин В.* Задачи революционной молодежи [Электронный ресурс]. URL: http://student.revkom.com\lib\leninzadachi.htm (дата обращения: 27.03.2012); *Оболенский В.* Моя жизнь. Мои современники [Электронный ресурс]. URL: http://www.knigafund.ru/books/74115 (дата обращения: 27.03.2012); *Толстой Л.* Студенческое движение 1899 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.litmir.net/bd/?b=71469 (дата обращения: 27.03.2012).

[45] *Гусятников П.* Революционное студенческое движение в России. 1899-1907. М.: «Мысль», 1971. 262 с.; *Матвеев М.* Студенты Сибири в революционном движении. Томск: «Издательство Томского ГУ», 1966. 236 с.; *Шохор-Троцкий К.* Толстой и студенческое движение 1899 г. [Электронный ресурс]. URL: http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l37/t372651-.htm (дата обращения: 27.03.2012).

отражают маркистско-ленинский подход к осмыслению феномена[46], а также оценке западных концепций и идеологии студенческого бунтарства[47].

Значимость событий 1968 г. предопределяет рефлексию современных российских ученых, руководствующихся при их интерпретации арсеналом конкурирующих парадигм. Появляются публикации, в которых проводится параллель между проявлениями внесистемного студенческого выражения в 2000-х гг. и опытом 1960-1970-х гг., предлагается альтернативный взгляд на природу детерминирующих факторов, осуществляется критическая оценка «нового левого» движения[48].

Присутствует интерес к теме современных студенческих протестных выступлений на Западе, включенности студентов в революционную борьбу на Ближнем Востоке и Северной Африке, однако он скорее выражен в описании проявлений, чем предполагает эвристичность познания[49].

Историографический и историко-социологический характер имеют также отдельные статьи, авторами которых в качестве объекта изучения рассматривается протест отечественной студенческой молодежи. Благодаря исследованию, проведенному А. Рожковым, реанимируется информация о формах антиправительственных молодежных выступлений в 1920-х гг. в РСФСР. Е. Пенской раскрывается особенность студенческого протеста в Советском Союзе в конце 1960-х гг[50]. Ряд авторов обращается к революционной деятельности студенчества конца XIX -начала XX вв. (Д. Гутнов, А. Кострикин, П. Краснов и др.)[51].

Существуют примеры case study: студенческих протестов 1998 г. против реформы Осмолова-Тихонова, конфликта 2007 г. на социологическом факультете МГУ им. М. Ломоносова, коллективных действий слушателей Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2008 г[52].

---

[46] *Брычков А., Павличук Е. и др.* Левое студенческое движение в странах капитала. М.: «Наука», 1976. 299 с.; *Грачев А.* Поражение или урок? Об опыте и последствиях молодежных студенческих выступлений 60-70-х гг. на Западе. М.: «Молодая гвардия», 1977. 223 с.; *Каргалова М.* Протестующее поколение (О молодежном движении в Западной Европе). М.: «Мысль», 1987. 174 с.; *Климов Ю.* Младежта на Запада протестира. М.: АПН, 1983. 112 с.; *Розенталь Э.* Парадоксы протеста. Очерки о молодежи Запада. М.: АПН, 1985. 272 с.

[47] *Бычко А.* Критический анализ философских концепций молодежного бунтарства. Киев: «Вища школа», 1985. 149 с.; *Баталов Э.* Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). М.: «Политиздат», 1973. 210 с.

[48] *Кагарлицкий Б.* 1968 год – наоборот [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.ru/library/id_552.html (дата обращения: 17.12.2010); *Пенская Е.* История студенческих протестов. 1968 г. в Европе // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 256-281; *Тарасов А.* 1968 год в свете нашего опыта [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.ru/library/id_2274.html (дата обращения: 15.12.2010).

[49] *Гудыма В.* Студенческие протесты 2009 года: между прагматикой и утопией [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.ru/library/id_2691.html (дата обращения: 18.12.2010); *Савкин Н.* Великая арабская демократическая революция // Вестник аналитики. 2011. № 1. С. 51-53.

[50] *Пенская Е.* 1960-е годы. Молодежная политика и студенческие протесты в России // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 238-265; *Рожков А.* Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // Социологические исследования. 1999. № 7.С. 36-45

[51] *Гутнов Д.* Парижские тайны // Мир истории. 2001. № 3. С. 5-12; *Кострикин А.* Студенческая революция 1899 г. [Электронный ресурс]. URL:www.4cs.ru/materials/publications/wp-id_524 (дата обращения: 27.03.2012); *Краснов П.* Российское студенческое движение рубежа XIX-XX вв. в делопроизводственной практике Департамента полиции МВД // Троицкий вестник. 2007. № 2. С. 7-16.

[52] *Желнина А.* Мобилизация университетского сообщества: политизация аполитичного / Современные молодежные сообщества в культуре и политике: Сборник работ. СПб.: «Норма», 2008. С. 56-63; *Кагарлицкий Б.* Соцфак и другие [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.ru/library/id_1179.html (дата обращения: 23.12.2010); *Ротмистров А.* Сравнительный анализ факторов студенческого движения в России на рубеже XIX-XX в. и в начале XXI в. // Высшее образование сегодня. 2009. № 1. С. 36-41.

Заслуживает внимание работа Д. Громова, представляющая собой когнитивный продукт исследования акций прямого действия и участвующих в них акторов в этнографическом и социально-антропологическом ключе[53].

Однако в целом российская исследовательская традиция состоит в интериоризации проблематики студенческого протеста в разработку более широкой, выходящей на первый план тематики: эволюции демократического движения на Западе[54], цветных революций на постсоветском пространстве[55], институционализированной и неформальной молодежной солидарности, молодежной политики, деятельности молодежных организаций[56], ценностных ориентаций, субкультурной и контркультурной инновации[57], интернетизации социально-политического процесса[58], экстремизма[59].

Оставление за пределами области научного знания такого аспекта как современный студенческий протест может иметь негативные последствия, связанные с ошибками в политическом прогнозировании. Данное обстоятельство актуализирует развернутый поиск в заявленном секторе научно-познавательного продвижения. При этом с точки зрения предмета диссертационного исследования значение приобретают труды, посвященные протесту как социально-политическому явлению[60], а также студенческой молодежи как социально-демографической группе[61].

Объект исследования – феномен студенческого политического протеста в УрФО.

Предмет исследования – характерные черты современного и эвентуального состояния студенческого политического протеста в УрФО.

---

[53] *Громов Д.* Уличный театр молодежной политики: оппозиционные движения // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 19-29.

[54] *Вайнштейн Г., Ивахник А., Скороходов В.* Массовые демократические движения: истоки и политическая роль. М.: «Наука», 1988. 251 с.

[55] *Александров А., Кара-Мурза С., Мурашкин М., Телегин С.* Экспорт революции. М.: «Алгоритм», 2005. 528 с.; *Крушинский А.* Колючий «бархат» // Родина. 2005. № 2. С. 11-16.

[56] *Красникова Н.* Молодежная субкультура и молодежное движение как разновидности молодежных политических сообществ / Сообщества как политический феномен: Монография / Под ред. П. Панова, К. Сулимова, Л. Фадеевой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 118-134; *Соколов М.* Русское национальное единство: анализ политического стиля радикально-националистической организации // Полис. 2006. № 1. С. 67-77.

[57] *Гертман О.* Молодежная (контр)революция? // Знание-сила. 2007. № 1. С. 54-58; *Омельченко Е.* АНТИФА против ФА. Молодежь по разные стороны баррикад, или размышления о «новых» версиях патриотизма [Электронный ресурс]. URL: http://www.polit.ru/analytics/2010/05/24/antifa.html (дата обращения: 17.11.2010).

[58] *Плешаков В.* Социальные сети Интернет-среды как фактор киберсоциализации студентов // Научный вестник Норильского индустриального института. 2010. № 7. С. 17-24; *Плотников Д.* Интернет как средство политической мобилизации радикальных сообществ // Вестник Пермского университета. 2008. Серия «Политология». Вып. 1. С. 47-52.

[59] *Вершинин М.* Психологические особенности членов деструктивных и террористических групп [Электронный ресурс]. URL: http://www.koob.ru/vershinin/psihologicheskie_osobennosty (дата обращения: 17.12.2010); *Кубякин Е.* К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи // Власть. 2010. № 9. С. 56-59.

[60] См., например: *Вайнштейн Г.* Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. М.: «Наука», 1990. 169 с.; *Сафронов В.* Потенциал протеста и демократическая перспектива [Электронный ресурс]. URL: http://hq.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/4/safr.html (дата обращения: 16.07.2009); *Шульгина М.* Политический протест как тип социального действия // Россия и социальные измерения в современном мире: Сборник статей «Ломоносовские чтения-2004». М.: «Макс Пресс», 2004. С. 32-40.

[61] *Вишневский Ю., Шапко В.* Гражданская культура российских студентов: тенденции, проблемы // Социс. 2009. № 4. С. 108-117; *Лисовский В.* Советское студенчество: социологические очерки. М.: «Высшая школа», 1990. 302 с.; *Чирун С.* Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 50-54.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе анализа студенческого политического протеста в УрФО сконструировать и верифицировать модели процессов формирования студенческой протестной мобилизации.

Задачи исследования:

1) разработать теоретический алгоритм для исследования студенческого протеста, опираясь на базовые идеи существующих в зарубежной и отечественной науке подходов к концептуализации и осмыслению политического протеста;
2) определить специфику мирового студенческого протеста как социально-политического явления;
3) обнаружить социально-экономические и политические детерминанты студенческого протеста, выделить из них доминирующие на уровне округа и исследуемых регионов;
4) дать характеристику деятельности оппозиционных молодежных объединений как агентов протестной политической социализации студенческой молодежи УрФО;
5) выявить уровень развития политической субъектности студенчества УрФО с точки зрения формирования ответственного политического поведения, вызывающего изменения в политической действительности;
6) определить особенности развития в студенческой среде УрФО политической солидарности, составляющей основу протестной мобилизации.

Основная гипотеза диссертационного исследования: проявление политической протестной мобилизации студенчества УрФО положительным образом связано с интенсификацией действия комплекса депривирующих факторов при условии успешной реализации организованной протестной сетью социализирующей и мобилизующей функций, а также сохранения тенденции развития у студентов округа политической субъектности и солидарности.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 2009 г. по конец 2011 г. Определение нижнего предела связано с ростом протестных настроений, в том числе в студенческой среде, вызванным углублением прежних и появлением новых общественных противоречий вследствие мирового финансового кризиса. Другим основанием выбора послужила переориентация молодежных политических организаций оппозиционной направленности на новую стратегию и тактику, отвечающих требованиям политической действительности. Результирующей данных процессов стала масштабная протестная мобилизация в декабре 2011 г.

Методологические основы исследования. Отличающийся высокой сложностью характер изучаемого объекта диктует необходимость обращения к синтезу парадигм и концепций из разных дисциплин.

Методологическим ориентиром для данной работы стала стратегия С. Вельграва[62], аффирматирующего неизбежность совмещения микроуровня политологических разработок, в рамках которого внимание сосредотачивается на субъектах протеста, с мезоуровнем социологических исследований коллективных акторов, действующих в неинсти-

[62] *Walgrave S.* Protest surveying. Testing the feasibility and reliability of an innovative methodological approach to political protest [Electronic resource]. URL: http://www.unige.ch/ses/spo/Accueil-1/Papiers/Walgrave.pdf (дата обращения: 21.10.2009).

туциональном поле политики, что обеспечено макрофакторами среды. Соответственно, признано целесообразным обращение, в первую очередь, к политическому бихевиорализму. Его преимущество состоит в амбивалентности рассмотрения механизмов управления политическим поведением, представленных факторами, заданными институтами, условиями жизнедеятельности, а также структурой психологических регуляторов.

Деятельностный подход позволяет исследовать коммуникационный и физический уровень политического протеста. Речь идет о сети оппозиционных молодежных объединений, активность которых способна стимулировать трансформацию общественного сознания, повлечь сдвиги в базовых институтах. Подход утверждает принцип мониторинга политических практик.

Отдельные аспекты стратификационного, социально-психологического и субкультурного подходов составляют интегративную парадигму для репрезентации студенчества как уникальной социальной группы – мобильной, обладающей инновационным потенциалом, стоящей в авангарде протестных движений.

В контексте системного подхода осуществляется осмысление степени поддержки студенчеством институтов политической системы.

Обращение к моделям относительной депривации Т. Гарра[63] и Р. Мертона[64] позволяет учитывать характеристики среды при анализе агрессивных эмоций. В поисках причин радикализации взглядов применяются также положения теории аномии Э. Дюркгейма[65].

Изменение законов коммуникативных процессов определяет выбор обоснования с использованием концепции социальных движений С. Тэрроу[66], теорий социальных и политических сетей, электронного гражданского неповиновения. На основании данных моделей прямые действия молодежных объединений понимаются в качестве коллективной формы реализации политической субъектности студенчества. Их ресурс образуют сети, в том числе в Интернет-измерении. Они преследуют общую цель и формируются вокруг опознаваемых символов национальной идентичности и защиты социально-демократических принципов.

Прикладное исследование и методы анализа. Диссертантом разработаны когнитивная карта и программа изучения студенческого протеста в соответствии с принципом комплементарности бихевиорального и деятельностного подходов, а также указанных ранее теорий.

1. Методы сбора данных.

В качестве основных методов сбора данных использовались: анкетный блиц-опрос, мониторинг сайтов молодежных организаций, движений и информации об их деятельности, обсуждаемой на Интернет-площадках.

Выбор анкетного блиц-опроса предопределен работой с массовой аудиторией и потребностью в преодолении нежелания респондентов участвовать в длительном по времени исследовании. Вопросы к анкете разрабатывались в соответствии с рекомендациями специалистов в области проведения прикладных исследований. Со-

[63] *Гарр Т.* Почему люди бунтуют. СПб.: «Питер», 2005. 461 с.

[64] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Егоровой. М.: ЭКСМО, 2006. 604 с.

[65] *Дюркгейм Э.* Самоубийство: социологический этюд / Пер. с франц. А. Ильинского. М.: «Мысль», 1994. 399 с.

[66] *Tarrow S.* Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambrige: "Cambrige University Press", 1994. 288 p.

держательный аспект вопросов отвечает положениям теорий протеста микроуровня, генерализированных Т. Гарром в исследовательский алгоритм.

Опрос осуществлялся в три этапа: в феврале-марте 2009 г. – в Тюмени, в октябре-ноябре 2009 г. – в Салехарде, в мае-июне 2010 г. – в Екатеринбурге. Выбор городов обусловлен их столичным статусом в субъектах УрФО с разным инвестиционным климатом и отраслевой структурой специализации: агропромышленной, топливно-энергетической, индустриально ориентированной. Подсистемы регионов отличаются качеством жизни, уровнем развития научно-образовательной инфраструктуры, скоростью изменения политических и социокультурных процессов. В исследовании приняли участие студенты вузов Салехарда, Тюмени и Екатеринбурга. Объем выборки составил 2593 человека.

На основании обработанных данных осуществлено структурное моделирование, дающее возможность наглядно представить конфигурацию студенческих позиций в пространстве политического ориентирования.

Мониторинг сайтов молодежных структур и информации об их деятельности, обсуждаемой на Интернет-площадках, позволил оценить развитие молодежной сети протестной консолидации и проследить динамику ее изменения в рамках трехгодичного цикла. Исследовательское внимание к данному аспекту обусловлено ролью оппозиционных молодежных организаций и сообществ в качестве агентов политической протестной социализации и мобилизации студенчества УрФО.

Другими методами исследования стали: компаративный кросс-региональный метод, анализ программных документов и правовой базы. С помощью первого из них установлена специфика студенческого протеста в субъектах УрФО, второй позволил определиться в отношении организационного спектра молодежной фронды и выявить изменения в законодательстве, регламентирующем рамки протестного выражения, что повлияло на студенческие приоритеты в выборе линии политического поведения.

2. *Методы обработки данных.*

Для обработки информации использовался пакет программ SPSS 17.0.

Применялась техника статистического обеспечения: кросстабуляция, иерархический агломеративный кластерный анализ, многомерное шкалирование, факторный анализ и бинарная логистическая регрессия.

Научная новизна исследования.

1. Впервые в отечественной политической науке проведен полипарадигмальный кросс-региональный анализ студенческого протеста в УрФО.
2. Разработаны и верифицированы эвентуальные модели студенческой мобилизационной протестной практики.
3. Выявлены ключевые социально-политические стрессоры, способные катализировать механизмы конфликтогенных тенденций в студенческой среде округа, определены основные объекты приложения агрессии.
4. Доказано существование молодежной интерактивной сети оппозиционного характера, нацеленной на протестную социализацию студенческой молодежи УрФО.
5. Выявлены особенности формирования политической субъектности и солидарности студенчества УрФО, выступающие обязательными элементами протестной мобилизации.

Положения, выносимые на защиту.

1. Студенческий политический протест представляет собой политическую девиацию, предполагающую несоответствие мышления и действия представителей студенческой молодежи господствующим в обществе культурным и политико-правовым нормам, отступление от них либо их нарушение. Как вычлененный локал общественно-политической действительности студенческий политический протест определяется факторами и обеспечивается механизмами, вписанными в общий контекст глобальных и внутристрановых процессов и отношений. С другой стороны, в силу характеристик носителей, принадлежащих к особой социальной группе, его природа многократно осложнена, а формы и пространства проявления, направленность и динамика имеют вероятностный и изменяющийся характер.

2. Факторами, оказывающими катализирующее влияние на мотивацию студенчества УрФО к протестной мобилизации, выступают социально-экономические и политические риски, обусловленные модернизационными процессами и экономическими катаклизмами, а также ошибками и просчетами в политике, негативными проявлениями в области выполнения управленческих и сервисных функций государства. Наиболее выраженная презентация вида недовольства возникает из этнонациональной депривации. Состояние острого внутриличностного дискомфорта вызывается рассогласованием между обладаемым и желаемым национальным статусом. При этом в рамках региональной дифференциации выделяются свои классы причин, выступающих важнейшими стрессорами, задающими установку студенчества изучаемых субъектов УрФО на конфронтацию. Для студентов Салехарда – это блокираторы достижения материальных целей и самореализации, а также проблема дисбаланса паттернов национальной идентичности, для студентов Тюмени и Екатеринбурга – вопросы этнонациональной ущербности и безопасности, экономического и политического суверенитета России.

3. Низкий уровень удовлетворенности политической системой обуславливает ориентацию студентов УрФО на ее трансформацию. Среди элементов системы главным адресатом опровержения власти выступают институты, ответственные за общественный правопорядок и законность. Высокий уровень недовольства фиксируется в отношении Государственной Думы РФ. Среднюю позицию в рейтинге властной делегитимности занимают Правительство РФ, политические партии и СМИ. Наибольшим доверием пользуются Президент РФ и органы местного самоуправления.

4. В УрФО выстраивается система относительно стабильных и взаимозависимых неиерархических отношений, связывающих автономных и коллективных акторов, представленных молодежью, разделяющих относительно власти общие интересы и обменивающихся ресурсами с целью их продвижения. Поскольку в условиях информационного общества студенчество выступает основным носителем политического капитала, имеющего свойство конверсии в протестный ресурс, обозначенные контрагенты заинтересованы в установлении контроля над его сознанием и рекрутинге членов из данной среды. Для этого широко используются Интернет-каналы.

5. Студенчество УрФО находится на стадии обретения политической субъектности, распознаваемой на двух уровнях – индивидуальном и коллективном. Формирование ответственного политического поведения происходит медленно и распространяется на незначительный студенческий сектор. Процесс возвышения до уровня политической субъектности затруднен в силу действия факторов, связанных с тради-

ционно сложившимися ценностями и образцами поведения, затрагивающими взаимоотношения власти и общества. Неуверенность в индивидуальной политической самодостаточности определяет ориентацию студентов на командную агентность. Коллективная поддержка дает ощущение безопасности и собственной значимости.

6. Солидарность, выступающая основанием студенческой протестной мобилизации, формируется на уровне идентификации с молодежными силами и разделения идеологических ценностей, а также уровне микросоциальных связей. Актуализируется проблема низкой степени консистенции солидарности с субъектами, конструирующими существующую молодежную организационную базу. Приверженность горизонтальному типу интеракций, стремление к самоуправлению, распространение информационных технологий определяют ускоренное развитие сетевой солидарности.

7. В условиях общественного реформирования, последствий экономической дисфункциональности, деструктивных проявлений в сфере реализации политико-административных и правоохранительных функций и услуг, инкорпорации в молодежную среду новых культурных элементов и политических практик формируются две модели протестной мобилизации студенчества УрФО. Существует высокая степень зависимости типов моделей от динамики развития психологии гражданской ответственности и политической самодостаточности в студенческой среде. Немаловажное значение приобретают такие факторы, как разделяемые мировоззренческие позиции, коллективная проблема, политико-идеологические символы и стилистика протестного действия. Модель ограниченной протестной мобилизации конвенциального и дестабилизирующего характера складывается в ЯНАО, в то время как модель масштабной протестной мобилизации сетевого и организационно-идеологического характера – в Тюменской и Свердловской областях.

Теоретическая и практическая значимость работы. Материал может быть полезен с точки зрения использования в региональных разработках, затрагивающих различные измерения студенческой протестной мобилизационной практики. Полученные данные также призваны способствовать уменьшению информационной неопределенности в рамках обеспечения социально-политической стабильности в субъектах УрФО. Речь идет как об обновлении содержания государственной стратегии по выстраиванию взаимоотношений со студенчеством, так и о формировании эффективных систем, регулирующих поток инноваций, которые продуктивно адаптируются контрагентами к молодежным запросам. Результаты исследования представляются значимыми для системно ориентированных молодежных объединений в плане удовлетворения потребности в их легитимации в студенческом сообществе. Кроме того, положения диссертации могут быть использованы в учебном процессе по дисциплинам «Политическая регионалистика», «Политическая психология», «Политическая социология».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации излагались автором на научных конференциях: Международных молодежных социологических чтениях «Студенчество стран ШОС: социокультурное измерение» (Екатеринбург, 2-10 мая 2009 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Власть, общество, личность» (Пенза, 23 октября 2009 г.), Международных научно-практических конференциях «Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития» (Екатеринбург, 26-27 ноября 2009 г., 25-26 ноября 2010 г., 24-25 ноября 2011 г.),

Всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие регионов» (Пенза, 28 мая 2010), Всероссийской научно-практической конференции «Правовые и социально-экономические проблемы современной России» (Пенза, 24 июня 2010), Международной научно-практической конференции «Глобальный кризис и социальные изменения: вызовы и стратегии» (Тюмень, 25 октября 2010 г.).

Результаты исследования внедрены в учебный процесс Тюменского государственного университета, используются в рамках преподавания дисциплин: «Политическая регионалистика», «Теория политики», «Правовые основы политики».

II. Основное содержание работы

Во **введении** приводятся аргументы в пользу актуальности темы диссертации, характеризуется степень научной разработанности проблематики по студенческому политическому протесту, определяются объект и предмет, цель и задачи, хронологические рамки исследования, обосновываются методологические принципы и освещается теоретическая база, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, апробация основных результатов и выводов работы.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования студенческого политического протеста» посвящена построению теоретического алгоритма для эмпирического исследования, объяснения и прогнозирования студенческого политического протеста в УрФО на базе релевантного теоретико-методологического обеспечения.

В *первом параграфе «Феномен политического протеста в контексте научных парадигм»* актуализируется проблема концептуализации понятия «политический протест» и идентификации явления, образующего содержательное наполнение указанной категории. В тексте параграфа дается аналитический обзор теоретических подходов к осмыслению оснований политического протеста, а также рассматриваются научные оценки социального значения данного феномена.

С учетом имманентной сути политического протеста, обнаруживающейся во внешних формах отрицания, оспаривания, противоборства, в работе делается вывод о валидности экспликации явления с точки зрения политической девиации. Внимание при этом акцентируется на его нестандартности относительно устойчивых и массовых проявлений образа действия в политической сфере. В русле данной логики предлагается дефинировать политический протест как неприятие, отклонение или преступление сложившихся в обществе культурных и политико-правовых норм, конституирующих ценностно-идеологические установки и политическое поведение.

Результатом авторских усилий, связанных с генерализацией конкурирующих мнений относительно уровней и форм политического протеста, становится заключение о том, что данный феномен проявляется в настроениях, образующих его потенциал, пассивном несогласии с политической системой, ее институтами и практиками, а также иррациональном индивидуальном, групповом и массовом поведении, конвенциальных или неинституциональных off- и online-действиях, базирующихся на сетевом доверии, коллективной солидарности, интересах и организации. На этом основании делается вывод о необходимости исследования политического протеста в рамках полипарадигмального подхода, интегрирующего методологические принципы политико-бихевиорального и деятельностного направлений, а также теорий социальных и политических сетей.

Вследствие поиска ответа на вопрос об источниках политического протеста в диссертации адаптируются основные положения психологического, социально-пси-

хологического, конфликтологического и культурологического подходов к предметному полю исследования. Аргументацией служит то обстоятельство, что причины явления лежат не только в плоскости экономических, политических и социокультурных условий, но не в меньшей степени связаны с когнитивно-психологическими процессами, протекающими во внутриличностной системе.

Во втором параграфе *«Студенческий протест как социально-политическое явление: теоретический анализ»* на основе обширного теоретического материала рассматриваются развитие мирового студенческого протеста, его измерения, циклы, динамика и формы, факторы радикализации политического поведения студентов.

В диссертации выражается солидарность с господствующим в академическом сообществе мнением, что студенческий протест – явление особое, природа которого в силу характеристик субъекта, его генерирующего и транслирующего в сферу принятия решений, осложнена комплексом атрибуций, а перспектива, форма, пространство проявления носят неожиданный и изменяющийся характер.

Статус студенческой молодежи как особой социальной группы, обладающей интеллектуальным капиталом и способностью к быстрой адаптации к изменяющимся условиям, отличающейся мобильностью, стремлением к групповой консолидации, тяготеющей к созданию горизонтально ориентированных организационных форм, определяет код поведения, позволяющий ей быть в авангарде движений, противодействующих власти. Важнейшим условием развертывания студенческого движения признается концентрирование на территории студенческого городка нескольких тысяч молодых, склонных к экстремальности поведения индивидуумов.

Данные обстоятельства провоцируют стратегию основных политических сил на эксплуатацию молодежного ресурса. В то же время инициированные воздействием глобальных процессов доминанты, требующие соответствия природе своего уровня носителей, средств и типов коммуникации, задают установку на отказ от сопричастности к решениям взрослого политического эксцесса, эмансипации от ортодоксальных партий, моделирование собственной программы действий.

Из традиционных форм популярностью пользуются: публичная демонстрация атрибутики и символов движений, бойкот лекций, блокады зданий университетов, столкновения с полицией, несанкционированные митинги, пикеты, демонстрации, марши. В рамках уличной политики получает распространение рассчитанное на эстетический рефлекс и формирование критически мыслящей аудитории политическое арт-действие в виде flash-, social-, sms-mob, happening, performance-вариантов. Новым явлением протеста является перенос движения сопротивления в киберпространство. Феномен получил название «хактивизм» и представляет собой синтез политической активности и использования Интернет-технологий.

Качественные показатели студенческого протеста, образующие его объем и содержательное наполнение, в конкретной ситуации предопределяются основаниями политической организации, законами общественно-культурного развития.

Спектр причин возникновения молодежного протеста не имеет ограничений. Это могут быть модернизационные сдвиги, сопровождающиеся разрушением естественной среды жизнедеятельности, процессы аномии, активизирующиеся в ситуации смены идеологических парадигм, переоценки ценностей. Стрессорами, определяющими чувство незащищенности, выступают властные институты, формирующие пространство, в кото-

ром при конституционно декларируемых всеобщих правах и свободах на практике воздвигаются труднопреодолимые барьеры, ограничивающие участие, создающее условия, препятствующие самореализации и достойному материальному существованию.

Во второй главе «Внешние факторы формирования студенческого политического протеста в УрФО» на базе эмпирических данных проводится компаративный анализ на предмет выявления социетальных и организационных факторов, обуславливающих актуализацию проблемы студенческого протеста в УрФО в период цикла российского общественного развития 2009-2011 гг.

В первом параграфе *«Социально-экономические и политические детерминанты»* определяются особенности рефлексии студентов изучаемых регионов округа на усложнение условий жизнедеятельности.

Проведенное исследование не подтверждает гипотезу о безусловном доминировании в конгломерате средовых возмущающих стрессоров, имеющих отношение к комплексу витального существования. Обнаруживается кросс-региональный разброс в классах объектов и условий, неудовлетворенность которыми вызывает у студенчества УрФО состояние психологической напряженности. Оформление фрустрирующих комплексов носит не только локально-географический характер, но выявляется его плотная связь с экономическими, политико-правовыми, военно-стратегическими и иными реалиями. Так, в границах основного интереса студентов Салехарда находятся вопросы материального благополучия и самореализации. В иерархии классов причин, возмущающих в студенческих коллективах Тюмени и Екатеринбурга наибольшую тревожность, лидируют проблемы этнонациональной модальности.

Анализ показывает, что в периферийных высокоресурсных зонах с менее развитой политической и корпоративной студенческой культурой более успешна интеграция в систему воспроизводства господствующих общественных отношений и вероятно целеполагание, отличающееся прагматическими намерениями, нейтрализующими установки на открытый протест. Для территорий со значительным уровнем развития политических и образовательных ресурсов, проницаемости для западных культурных влияний характерно более интенсивное поле тем протеста в политических терминах. В данном случае срабатывает социализирующий фактор политико-правового просвещения и опыта включенности в сферу коллективного участия. Понимание студенчеством опосредованности ограничения личных материальных возможностей и статусной неустойчивости от навязываемых политических перспектив обеспечивает менее выраженную презентацию вида недовольства, возникающего из экономических депривaций.

В то же время, несмотря на обозначившуюся дисперсию в притязаниях в сравнительном измерении по субъектам УрФО, в масштабе округа обнаруживается ценность, в отношении которой диагностируется единство чувств обделенности. Речь идет о национальном благе, обеспеченном правом собственности на исконную территорию, в приумножении которого видятся гарантии достижений достойного существования. Внутриличностное рассогласование между обладаемым и желаемым национальным статусом приводит к тотальному беспокойству в студенческой среде.

Во втором параграфе *«Социализирующая деятельность молодежных структур оппозиционного спектра»* исследуется интегрирующий протестный ресурс сети молодежных структур умеренно-оппозиционной и радикальной направленности.

По результатам мониторинга сайтов молодежных политизированных объединений и Интернет-сообществ, а также мнений на web-страницах в работе делается вывод о складывании в молодежном политическом пространстве УрФО сетевой формы протестной организации. Это связано с внедрением во все области общественной жизни Интернет-технологий. Цифровая сфера облегчает доступ к информации, способной изменить ценности, задающие политическое поведение. Благодаря ей возможна off-line партиципация для групп, не вписывающихся в механизмы конвенциального участия, развитие электронной идентичности, мобилизация и координация действий в реальном политическом поле.

Данные преимущества используются акторами фрондирующего спектра, отношения согласования между которыми конституируются целью, выстраиваемой вокруг вопроса о власти. Интегрированная в более широкую общероссийскую зону сеть структурируется конкурирующими и солидаризирующимися доменами разного уровня влияния, действия и политико-идеологической направленности.

Домены низшего уровня включают в себя акторов и множество неподконтрольных государству связей, образующих массовую базу молодежной нонконформности. Основу микросетей составляют устоявшиеся личные off- и online-отношения, опосредованные через третьих лиц трансакции, а также off- и online-консультации.

Первую группу составляют сетевые агенты, устанавливающие связи по собственной инициативе и стимулирующие развитие протестного сетевого предприятия: автономные мобберы, хакеры, модераторы групп и др. Активируя иммобильных знакомых из студенческой среды, они продуцируют изменения в их отношении к реальности и запускают реакцию протестного заражения.

Во вторую группу входят студенты, не принимающие участие в коллективных действиях, однако находящиеся в режиме постоянного общения и обсуждения вопросов, связанных с политикой, что способствует формированию гражданской позиции, стимулирует к артикуляции интересов в пространство публичной сферы.

Третью группу образуют внесетевые акторы, политически индифферентные, однако оказывающие влияние своими действиями на вступление других субъектов в общую протестную сеть. Например, студенты или выпускники физических, химических и юридических факультетов, военных институтов нередко дают инструкции или консультации, необходимые для проведения протестных акций.

Домены среднего уровня образуются протестными сообществами клубного типа, возникающими на web-сайтах, таких как «ВКонтакте», «В моем мире» и включают субъектов, напрямую взаимодействующих друг с другом.

Сеть развивается в двух направлениях. Первое представлено исключительно информационным online-взаимодействием, выходящим за территориальные пределы УрФО или ограниченным зоной округа. Другое направление предполагает перенос выстроенных Интернет-контактов в offline-пространство публичной политики.

Домены высшего уровня складываются из смежных узлов политического взаимодействия, транскоммуникативных центров, посредством которых узлы объединяются в кластеры, и внешних пограничных звеньев, позволяющих адептам самых влиятельных и непримиримо разъединенных формаций – левой, либерально-демократической, национал-патриотической, державно-монархической – участвовать в построении в УрФО сети молодежного организованного сопротивления. Узловое пространство конструируется молодежными структурами, различающимися организационно-

правовой формой, идеологическим обеспечением деятельности, стилевыми характеристиками, социальной базой поддержки и уровнем легитимации.

Активность агентов сети направлена на создание условий виртуального взрыва, реформирование мышления Интернет-пользователей, вербовку в сеть, прежде всего, представителей студенческой молодежи.

В третьей главе «Мобилизационный протестный потенциал студенчества УрФО: уровень развития субъективных факторов и вероятность интенсификации» оцениваются возможные перспективы студенческой протестной мобилизационной практики, выявляется их зависимость от субъективных доминант.

В первом параграфе *«Политическая субъектность студенчества УрФО»* дается субъектно-деятельностная характеристика студенческого протестного ресурса.

Обращение к проблеме развития в изучаемой среде политической субъектности, позволяет говорить о противоречивости процесса. Успешность ее становления определяется скоростью усвоения студентами принципов демократической культуры участия. Процесс протекает сложно на территориях УрФО, где в силу традиций и повышенной степени властной консервации происходит сопротивление новациям.

Сложность перемен, связанных с возвышением студенчества до уровня политической состоятельности обусловлена также императивированием рамок политической социализации. Гражданский инфантилизм и неуверенность в политической самоэффективности развиваются на фоне анормальной композиции предъявляемых к молодежи общественных требований. С одной стороны от нее ожидается поведение соразмерно заданной роли активного преобразователя социальной действительности, с другой реализуется задача по формированию конформно ориентированной личности. Деассертивность в индивидуальных силах рождает феномен командной субъектности. Возможность растворения в коллективном организме, анонимность, обеспеченная Интернет-системой, дают ощущение свободы, безопасности и силы.

Уровень доверия к собственному ресурсу политического влияния предопределяют выбор студентами модели политического поведения.

В регионах УрФО с преобладающей лояльной политической культурой, рациональным приспособлением к обстоятельствам и непартиципаторной ориентацией срабатывает недемократический социальный элемент, предполагающий отстаивание интересов в рамках бюрократических механизмов. Заниженное чувство личной гражданской ответственности и неразвитость политической воли блокируют процесс усвоения роли, которая может быть исполнена на публичной политической сцене.

Там, где эволюция молодежного сознания в сторону интериоризации образцов активного политического поведения идет относительно быстрыми темпами, более плотно сконцентрированы потоки информационных и политических ресурсов, фиксируется смещение студенческих установок с институциональных объектов на уровень собственной агентной состоятельности. В спектре выстраиваемых интеракций с властью, ранжируемых от отношений поддержки и компромисса до откровенного неповиновения, начинают преобладать технологии прямого действия.

Во втором параграфе *«Политическая солидарность студенчества УрФО»* выявляется специфика формирования политической солидарности студентов УрФО.

В результате эмпирического исследования установлена триадность процесса, включающего, во-первых, интеграцию интересов посредством идентификации с молодежной

структурой, во-вторых, консолидацию на базе институциональных молодежных единиц и декларируемых ими идеологических ценностей одновременно, в-третьих, сплочение на основе наиболее злободневной конфликтной проблемы и сетевого доверия.

Формирование организационной ценностно-идеологической солидарности во многом определяется политической компетентностью студентов с точки зрения введения их в плоскость протестной консолидации, общих представлений о молодежных объединениях, понимания ценностных фреймов, программ и стилей их коллективного поведения. Чем выше ее уровень, тем больше точек пересечения для согласования в идейно-политических позициях. Скудность багажа индивидуального знания об изучаемой стороне политической действительности вызывает сокращение возможной вариативности поля самопричисления к какой-либо политической группе.

Анализ проблемы показывает также, что низкая степень консистенции солидарности выводится из недоверия части студентов к политическому ресурсу влияния субъектов, конструирующих существующую молодежную организационную базу, непривлекательности для них предлагаемых программ и методов действия.

Это мотивирует к солидарности, в основании которой доминирует социальный источник и которая проявляется в самоорганизации посредством социальных сетей. Повсеместное распространение коммуникативных технологий определяет ее ускоренное развитие, чему в немалой степени способствует фактор креативности и амбициозности студенчества, стремящегося к самоуправлению и самоутверждению.

В пользу презумпции надидеологической студенческой солидарности свидетельствует массовая практика в УрФО, когда условием мобилизации становится конвергенция интересов и целей, а консолидирующим и организующим ядром выступает коалиция молодежных оппозиционных структур, полоса отчуждения между которыми проходит по линии доктринальных оснований деятельности. При этом темы, побуждающие студенчество к сотрудничеству и поддержке протестующих, имеют отношение к различным областям общественно-политической жизни. Они могут быть связаны, например, с неправомерностью действий силовых структур, респонсибельностью власти, осуществлением реформы жилищно-коммунальной сферы, поддержкой арестованных активистов молодежных оппозиционных организаций.

В третьем параграфе *«Прогнозные модели мобилизационной практики в студенческой среде УрФО»* предлагаются самостоятельно разработанные модели мобилизационной практики в студенческой среде УрФО.

Позиция диссертанта состоит в том, что в УрФО формируются две модели студенческой протестной мобилизационной практики: модель ограниченной протестной мобилизации конвенциального и дестабилизирующего характера и модель масштабной протестной мобилизации сетевого и организационно-идеологического характера.

Локальная, фрагментированная мобилизация является особенностью первого варианта. Сегмент лиц, характеризующихся высоким уровнем протестной активности, в данном случае крайне ограничен. Его образуют несущие группы, принадлежащие к оппозиционным единицам радикального спектра, либо наиболее пассионарные представители студенчества. В логику модели вписывается приемлемость для основной массы исследуемого микросоциума стратегии согласования интересов в рамках взаимодействия с официальными органами и должностными лицами. При этом гарантией вступления в сферу властеотношений является поддержка со стороны авто-

номии молодежного организованного пространства независимо от идеологических и стилистических различий отдельных, структурирующих его элементов.

В силу непривлекательности для большинства студентов массовых форм протеста вероятно развитие направления, материализующегося в связанных с насилием проявлениях, а также периодически организуемых политизированных арт-представлениях. В качестве объектов коерсивной тактики определяются институты, ответственные за общественную безопасность и правопорядок, выполняющие функции по наложению санкций и применению репрессий. Недовольство деятельностью данных структур выступает главным условием активизации радикальных формирований.

Тенденция в направлении индивидуальной и групповой мобилизации характерна для салехардского студенчества.

Более интенсивная и массовая мобилизация отличает вторую модель. Проявлением ее системного качества является вовлечение в орбиту активных протестных действий кроме участников, определяющих себя как внешние по отношению к сложившемуся порядку силы, также субъектов, ориентирующихся на проекты, толерантные власти, но добивающихся дополнительных выгод, и отдельных лиц, индифферентных по отношению к партийному представительству и доктринам.

Ее характерными чертами выступают, с одной стороны, межорганизационная диффузия, позволяющая объединять идеологически и политически конкурирующие молодежные структуры в единый консолидирующий и координирующий центр и, с другой стороны, горизонтальная интеграция студенческих групп и индивидов по сетевому принципу в рамках низовой самоорганизации.

Уникальность модели заключается в переориентации монополизирующих пространство подпольной консолидации альянсов и группировок на реализацию ряда мобилизационных задач в рамках правового поля при параллельном сдвиге левоправой оппозиции в сторону прямой конфронтации. При этом растет список потенциальных объектов опровержения власти и выдвигаемых требований.

Реализация модели имеет место в тюменском и екатеринбургском случаях.

В **заключении** представлены основные результаты исследования и сделаны выводы относительно будущего состояния студенческой протестной мобилизационной практики в УрФО. Также намечены перспективы дальнейших исследований феномена студенческого политического протеста.

III. По теме кандидатской работы автором опубликованы двадцать три научных статьи, в том числе три – в изданиях, рецензируемых ВАК РФ:

1. Пустошинская О.С. Интернет-репрезентация молодежных организаций и движений Уральского федерального округа: виртуальная активность или реальная политика? // Социум и власть. 2009. № 3. С. 20-25.

2. Пустошинская О.С. Протестный потенциал студенческой молодежи Тюмени: результаты социологического опроса // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2010. № 2. С. 13-28.

3. Пустошинская О.С. Протестная политическая субъектность студентов Салехарда и Екатеринбурга: моделирование ситуации // Социум и власть. 2011. № 3. С. 66-69.

4. Пустошинская О.С. Создание движения «Анти-Адм» в рамках реализации государственной молодежной политики в Тюменской области // Самореализация молодежи XXI века: Сборник научных трудов. Тюмень: ТюмГУ. 2007. С. 87-89.

5. Пустошинская О.С. Молодежь в условиях глобального кризиса и структурных изменений: проблемы дезинтеграции и протестных настроений // Глобальный кризис и социальные изменения: вызовы и стратегии: Материалы Международной научной конференции. Тюмень: ТюмГУ, 2009. С. 283-287.

6. Пустошинская О.С. Молодежный политический потенциал: проблемы нарастания студенческой протестной активности // Студенчество стран ШОС: социокультурное измерение: Материалы Международных молодежных чтений. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. С. 243-245.

7. Пустошинская О.С. Молодежные движения в социальном пространстве Тюменского региона: спектральный анализ // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. С. 283-286.

8. Пустошинская О.С. Молодежная политика в России: проблемы совершенствования // Государство, политика, социум: вызовы и приоритеты развития: Сборник статей по результатам Международной научно-практической конференции. Часть 1. Екатеринбург: УрАГС, 2009. С. 179-181.

9. Пустошинская О.С. Деятельность молодежных экстремистских организаций в УрФО как фактор дестабилизации политической системы // Альманах современной науки и образования. 2009. № 7. С. 117-118.

10. Пустошинская О.С. Протестная компонента молодежного сознания как рефлексия на противоречия системной трансформации // Власть, общество, личность: Сборник статей по результатам IV Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: МНИЦ ПГСХА, 2009. С. 136-138.

11. Пустошинская О.С. Политический протест как концепт: проблема дефиниции // Альманах современной науки и образования. 2010. № 1. С. 83-87.

12. Пустошинская О.С. Ретроспекция, качественные характеристики и механизмы формирования студенческого протеста // Альманах современной науки и образования. 2010. № 3. С. 58-60.

13. Пустошинская О.С. Социально-демографические основы студенческого политического протеста // Альманах современной науки и образования. 2010. № 5. С. 124-127.

14. Пустошинская О.С. Молодежная протестная активность на Западе в 40-80-е годы XX в.: уроки истории // Альманах современной науки и образования. 2010. № 7. С. 45-47.

15. Пустошинская О.С. Детерминированность политического протеста в рамках теоретико-методологического осмысления // Альманах современной науки и образования. 2010. № 8. С. 30-32.

16. Пустошинская О.С. Проблемы социально-экономического положения молодежи в современной России // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: Сборник статей по результатам III Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: МНИЦ ПГСХА, 2010. С. 144-147.

17. Пустошинская О.С. Особенности молодежной консолидации в социальном пространстве УрФО // Социально-экономическое развитие регионов: Сборник статей по результатам VI Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: МНИЦ ПГСХА, 2010. С. 157-160.

18. Пустошинская О.С. Сценарный прогноз политического поведения студентов Салехарда в условиях социально-экономической нестабильности // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития: Сборник статей по результатам Международной научно-практической конференции. Часть 2. Екатеринбург: УрАГС, 2010. С. 141-144.

19. Пустошинская О.С. Идеологические предпочтения студентов ИИиПН ТюмГУ: опыт социологического исследования // Политическое развитие Тюменского региона: Сборник статей. Выпуск 5. Тюмень: ТюмГУ, 2010. С. 20-24.

20. Пустошинская О.С. Политические ориентации студентов Салехарда // Политическое развитие Тюменского региона: Сборник статей. Выпуск 5. Тюмень: ТюмГУ, 2010. С. 26-30.

21. Пустошинская О.С. Самооценка студентами УрФО включенности в отечественный политический процесс // Альманах современной науки и образования. 2011. № 5. С. 23-25.

22. Пустошинская О.С. Легитимность российской власти как индикатор эффективности функционирования механизма государственного управления в оценке студентов Екатеринбурга // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития: Сборник статей по результатам Международной научно-практической конференции. Том 2. Екатеринбург: УрАГС, 2011. С. 81-83.

23. Пустошинская О.С. Протестные установки студенчества Екатеринбурга // Альманах современной науки и образования. 2011. № 1. С. 29-31.

ПУСТОШИНСКАЯ ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА

СТУДЕНЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Подписано в печать 10.04.2012. Тираж 100 экз.
Объем 1,0 уч. изд. л. Формат 60x84/16. Заказ 234.

Издательство Тюменского государственного университета
625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс (3452) 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru